

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man, on the left, has dark hair and a light beard, with a tattoo on his neck. The woman, on the right, has blonde hair and is wearing a white top. They are both looking at each other with soft expressions.

JULIET BLACK

Некоторые шёпоты

НЕФРИТОВАЯ ЛОЗА

живут дольше смерти

ВОЗРОЖДЁННАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нефритовая лоза

Juliet Black

Нефритовая лоза. Возрождённая

«Автор»

2025

Black J.

Нефритовая лоза. Возрождённая / J. Black — «Автор»,
2025 — (Нефритовая лоза)

Вторая книга дилогии «Нефритовая лоза». Рекомендуется читать после романа «Исчезнувшая». Его мир рухнул вместе с ней. Сердце замолчало, свет исчез, и осталась только тишина, в которой боль стала единственным, чем он жил. Но истина не остаётся скрытой навсегда. Она возвращается — и вместе с ней возвращается всё, что было потеряно: память, чувства, любовь, сильнее времени и смерти. Теперь у него есть цель. Он вернёт своё, даже если для этого придётся разорвать весь мир.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нефритовая лоза. Возрождённая

Глава 1

Вторая книга дилогии «Нефритовая лоза». Продолжение истории, начавшейся в романе «Исчезнувшая».

Inspired by “Impossible” — James Arthur
«Некоторые вещи невозможно вернуть...
но ещё труднее — перестать помнить.»

Она спала.

Точнее, организм наконец сдался и отключился, потому что назвать это спокойным сном язык не поворачивался. Уголки губ ещё чуть дрожали, как после крика, дыхание то сбивалось, то выравнивалось, пальцы время от времени сжимались в простыню, словно ей всё ещё было от чего бежать. Щёки влажные, ресницы слиплись, волосы растрёпаны по подушке – светлое пятно на тёмном белье, не чужое, а до боли родное.

Моя кровать.

Моя квартира.

Моя женщина, которая почти год назад «умерла».

Я сидел напротив, в кресле у изголовья, с бокалом виски в руке и не мог оторвать взгляд. Напиток давно потеплел, лёд растаял, вода впиталась в янтарную жидкость, но я даже глоток не сделал. Горло и так жгло, как если бы я уже осушил полбутылки.

Смешно.

Сколько ночей я представлял её живой – не в кошмарах, не в воспоминаниях, а по-настоящему. Видел, как дверь квартиры открывается, и она заходит сама: усталая, живая, с тем самым, знакомым мне до мелочей взглядом. Бросает где-то у порога туфли, сдвигает с плеч пальто, ворчит, что день был тяжёлый, а потом падает на эту кровать, утыкается носом в мою подушку и тихо бурчит: «Ну вот, Хантер, теперь ты официально от меня не избавишься».

И вот – она здесь. Только без смеха, без упрямства, без права выбора. Просто вырубленная у меня на руках после паники, дождя и первой правды, которую вообще услышала за слишком долгое время.

Где-то глубоко под рёбрами всё ещё отзывалось эхо: её истеричный смех, когда я сказал «я твой муж». Сорванный криком голос. Глаза, полные ужаса и... неузнавания.

Она может отрицать сколько угодно. Тело помнит. И это хуже всего.

Я откинулся затылком на спинку кресла, зажмурился на секунду. Этого хватило, чтобы память снова сделала своё грязное дело и потащила назад, туда, где я начал превращаться в того, кем стал.

Нападение вспыхивало в голове обрывками.

Её голос где-то в глубине дома – мягкий, домашний смех.

Мои шаги по коридору – я шёл быстро, но не бежал, был уверен, что всё под контролем.

Крик. Резкий. Тот, после которого сердце перестаёт слушаться голову.

Бег.

Кровь. Много. На полу, на стене, в её волосах.

Она на полу – слишком неподвижная, слишком белая.

Чьи-то тени в дверях, выстрелы, боль в груди, падающий потолок, тьма, разрывающая сознание на клочья.

А дальше – больница.

Стерильный свет, запах лекарств, голоса врачей.

Мой брат, который держит меня за плечи, когда я пытаюсь сорвать с себя трубки.

Фразы, которые я тогда не столько слышал, сколько ощущал каждой клеткой:

«Мы сделали всё, что могли...»

И он.

Её отец.

Я до сих пор помню, как он стоял у окна в коридоре, когда я пришёл в себя. Прямой, собранный, выжатым досуха. Судья, привыкший к чужим приговорам, которому в этот раз пришлось выносить свой.

Он долго молчал. Не смотрел на меня. Я видел только профиль и пальцы, вцепившиеся в перила так, что побелели костяшки.

Потом всё-таки повернулся.

– Хантер, – сказал глухо. – Её нет.

Внутри всё дернулось, но я ещё держался. Ещё ждал продолжения. Ошибку. «Мы боремся», «она в коме», «есть шанс».

Он добил сразу:

– Из-за тебя я потерял дочь. Ты не смог её защитить. Пока ты цеплялся за свою жизнь на операционном столе, мою девочку уже опустили в землю. Понимаешь? Ты будешь жить с этим. Всю оставшуюся жизнь.

Каждое слово врезалось под рёбра, как новый выстрел.

Дальше я мог бы воспроизвести весь разговор дословно, но не хочу.

Дело не в том, что он соврал.

Дело в том, что я... поверил.

Я не потребовал показать тело.

Не перевернул морг.

Не поставил на уши всех своих людей, пока не убедился бы лично.

Я был на грани.

Полуразобранный, наспигованный препаратами, с дырой в груди, со вскрытой клеткой и швами, через которые ещё сочилась жизнь. Раздавленный одной мыслью: она была в моём доме, под моей защитой – и я не уберёг.

Я принял этот удар как факт.

А потом сделал то, что умею лучше всего.

Я выжил.

И начал рвать.

Год без неё – отдельная глава, которую никто и никогда не прочитает до конца.

Город видел только результат: сделки, заключавшиеся за одну ночь; людей, исчезающих без следа; семьи и кланы, которые либо вставали на колени, либо уходили под землю.

Они говорили, что я стал зверем.

Что тот Хантер, который ещё умел иногда промолчать, где-то закончился.

Они не ошибались.

Пока другие делили районы, защищали «честь» фамилий, качали деньги и влияние, я занимался только одним – искоренял тех, кто хоть как-то был причастен к тому вечеру. Неважно, под каким флагом они ходили. Важно, что хотя бы раз подняли руку на мой дом. На неё.

Я не щадил никого.

Ни чужих, ни своих.

Если кто-то однажды сомневался, для кого он работает, – у него больше не было шанса сомневаться ни в чём.

Ничто меня не удерживало.

Никто не говорил «хватит».

Никто не смотрел так, как она, когда просила остановиться, просто кладя ладонь мне на шею.

И всё равно её голос не уходил.

Даже через год.

Иногда я вскакивал среди ночи с пульсом под двести, с пальцами, сжатыми так, словно в них до сих пор был пистолет. В комнате – тишина, только гул города за окнами. А в голове – её шёпот.

«Хантер...»

«Ты знаешь, что это за цветок?»

«Нефритовая лоза...»

Я вдохнул глубже, открыл глаза и снова посмотрел на неё – реальную, тёплую, живую женщину на моей кровати. Грудная клетка размеренно поднималась и опускалась, дыхание стало спокойнее. Она, конечно, скажет, что ничего не помнит, что ей всё это снилось, что я чудовище и псих. И будет права.

Почти.

Я поднялся из кресла. Тело отозвалось тугой ноющей болью, как после драки, хотя сегодня я ни с кем не дрался. Только разговаривал. Слишком тяжело, слишком поздно.

Пара шагов – и я уже у изножья. Ладонь лёгкая, но уверенная – на краю матраса. Я просто стоял и смотрел на её лицо. На уголки губ, где всегда пряталась улыбка. На тонкий шрам у виска, который она по-прежнему считает следом «нападения». На родинку у основания шеи, которую знают мои губы.

И память снова дёрнула назад – в ту ночь, где не было крови. Только сад. Тишина. И она.

Тот вечер был одним из редких моментов, когда мир внутри меня действительно молчал.

Я вышел в сад всего на минуту – выкурить сигарету, проветрить голову. И увидел её.

Алиса сидела на траве, поджав одну ногу, другой медленно вела по земле, рисуя невидимую линию. На коленях лежала книга. Сад подсвечивали мягкие жёлтые лампы, в этом свете её волосы казались ещё светлее, кожа – ещё тоньше, взгляд – глубже. Она читала вслух. Не громко, больше для себя, но я слышал каждое слово.

– Нефритовая лоза – один из самых редких и удивительных цветов в мире, – тихо проговорила она, проводя пальцем по строкам. – Её свисающие бирюзовые соцветия похожи на струи расплавленного камня, а оттенок лепестков меняется от глубокого зелёного до почти голубого...

Я подошёл ближе, не обозначая шага голосом. Она всё равно почувствовала – плечи чуть напряглись, спина выпрямилась. Но читать не перестала.

– Цветок распускается только ночью, – продолжила. – В темноте он светится изнутри – мягким, холодным сиянием, притягивающим взгляд. Сейчас это растение внесено в список охраняемых видов, потому что долгое время его считали полностью исчезнувшим...

Я остановился рядом, опустил сигарету, просто смотрел.

Она подняла глаза – и на секунду весь остальной свет в саду стал неважен.

– Подслушиваешь? – спросила. Голос усталый, но тёплый.

– Смотрю, – поправил я. – И слушаю. Разные вещи.

– Для тебя? – она чуть усмехнулась. – Сильно сомневаюсь.

Я опустил на скамью напротив, так, чтобы видеть её профиль.

– Продолжай, – попросил я. – Мне интересно.

– Правда? – она приподняла бровь. – Главное, потом не жалуйся, что я усыпила тебя ботаникой.

Я чуть скривил губы в намёке на улыбку.

– Попробуй.

Она снова взглянула в книгу.

– Говорят, нефритовая лоза сама выбирает место, где появиться, – медленно прочитала она. – Её нельзя заставить, нельзя приручить. Можно только ждать, пока она решит расцвести. Редкая. Хрупкая. Таинственная. Цветущая в часы, когда мир спит. И ещё говорят, что нефритовая лоза появляется там, где переплетаются судьбы.

Она замолчала, пальцы чуть сильнее сжали края страниц.

Я смотрел на её руку и ясно понимал: в моём мире ничего хрупкого не бывает. Всё либо ломается, либо ломает. Но если что-то и подходило под эти строки, то только она.

– Похожа на тебя, – сказал я.

Она чуть дёрнулась, повернула голову.

– Цветок? – в голосе прозвучало лёгкое возмущение. – Ты серьёзно?

– Абсолютно, – я не отвёл взгляда. – Редкая. Хрупкая. Таинственная. Появилась там, где я меньше всего этого ждал. И, как назло, решила расцвести именно в моей ночи.

Она покачала головой, опуская взгляд обратно в книгу, но я видел, как участилось её дыхание.

– Я не хрупкая, – тихо возразила. – И не таинственная.

– Для мира – возможно, – ответил я ровно. – Для меня – ты мой свет.

В жизни, где слишком много крови и тьмы, ты единственная, от кого мне не хочется отводить глаза.

Она не сразу ответила. Страницы листать не стала, просто накрыла книгу ладонью, как крышкой. Некоторое время мы сидели молча, и мне в этой тишине было легче, чем на любых переговорах.

– Свет в твоей тьме, да? – наконец тихо спросила она, всё ещё глядя вниз.

– В моей – да, – я подался вперёд. – В чужой тьме я привык быть тем, кого боятся. Но рядом с тобой впервые в жизни захотелось не пугать, а держать. И не отпускать.

Она перевела на меня взгляд. Серьёзный, взрослый.

– А если я исчезну? – спросила. – Как этот цветок. Перестану светиться.

В груди что-то болезненно сжалось, но я не показал.

– Если ты исчезнешь, – сказал я спокойно, – я всё равно буду искать.

Даже если весь мир будет твердить, что тебя больше нет, я переверну каждый город, каждое дно. Буду поднимать могилы, лезть туда, куда не суются даже такие, как я. Буду возвращать тебя снова и снова. И не отпущу – ни при каких условиях.

Она тихо усмехнулась, но в глазах блеснула влага.

– Никогда? – уточнила. – Что бы ни случилось?

– Никогда, – повторил я. – Даже если ты исчезнешь, как эта чёртова лоза, которую считали вымершей, я всё равно найду.

Ты – моя нефритовая.

А своё я не теряю.

Она улыбнулась в ответ – мягко, по-настоящему, без защиты. И в тот момент я окончательно понял: если когда-нибудь мне придётся выбирать между этим городом и этой женщиной, город сгорит. Без сожалений.

Сейчас она лежала передо мной, в моей постели, под моим пледом, и всё это запросто могло бы оказаться очередным ночным кошмаром, ещё одной жестокой шуткой сознания, которое не умеет отпускать.

Но стоило мне провести пальцами по её волосам – осторожно, выделяя каждую прядь, – как я чувствовал под пальцами живое тепло, слышал её дыхание, улавливал знакомый запах её кожи. Не призрак. Не воспоминание. Реальность.

Я сел на край кровати, поставил бокал на тумбочку, наклонился ближе. Сердце упрямо билось где-то в горле. Год я смотрел на холодный камень с её именем. Год слушал одну и ту же версию – «её нет». Год жил как человек, у которого вырвали половину груди и забыли зашить.

А сейчас она дышала. У меня дома. После того, как я услышал из уст её отца правду, которую он сам боялся произнести. После того, как каждый кусок этого грёбаного пазла встал на место и показал, во что мы превратились из-за его решения «спасти» дочь от меня.

Я протянул руку, поймал тонкую светлую прядь, накрутил на палец. Провёл по ней большим пальцем, запоминая заново. Вгляделся в её лицо – наконец спокойное, без страха. И только тогда позволил себе эти слова. Тихо. Наполовину шёпотом, наполовину мыслью.

Это моя вина.

Каждый её страх.

Каждая трещина в душе.

Каждый шаг, который отдалил её от меня.

Но я не отступлю.

Я верну её.

Верну всё, что когда-то принадлежало мне.

И добьюсь того, чтобы она вспомнила...

чтобы простила...

чтобы снова выбрала меня.

Потому что она – моя.

И всегда была.

Я едва коснулся губами её лба, почувствовал тепло.

И впервые за год подумал не о том, кого мне нужно убрать завтра.

А о том, кого я обязан вернуть.

Любой ценой.

Глава 2

Прошлое

Хантер

Офис дышал тишиной.

Не той, что успокаивает, – плотной, вязкой, натянутой, как струна, готовая лопнуть. Стены будто впитали слишком много разговоров, угроз, договорённостей, и теперь молчали, наблюдая, не вмешиваясь.

За панорамным стеклом тянулся Манхэттен – огни, машины, нескончаемый поток людей, который я держал в кулаке, даже если половина города об этом только догадывалась. Нью-Йорк давно принадлежал Райтам. Сначала – отцу. Теперь – мне. И всем было абсолютно неважно, кто именно сидит в этом кресле, пока фамилия остаётся той же.

Я сидел за широким столом из тёмного дерева. Чистая поверхность. Ничего лишнего. Только документы, планшет, пара подписанных контрактов и пепельница с недокуренной сигаретой, которую я потушил на полпути.

Легальная часть империи выглядела безупречно: сеть отелей, клубы, элитные рестораны, казино, закрытые залы, куда обычным людям не попасть даже за большие деньги. Отчёты блески, налоговая спала спокойно, партнёры жали руки и говорили нужные слова.

А за всем этим – то, ради чего вообще стоило держать город.

Оружие. Логистика. Маршруты. Люди.

То, что нельзя было записать в бухгалтерии, но без чего все эти стеклянные здания и красивые фасады превращались в картон.

Я никогда не лез в грязь, которой презирал. Торговля людьми, дешёвый наркотик, сутенёрство – всё это оставалось тем, кто не дорос до уровня Райтов. Мне нужны были потоки, которые дают рычаги. Власть. Контроль. Возможность решать, кто будет жить, а кто – нет.

Несколько лет назад отец окончательно сдал позиции. Усталость, возраст, кашель после каждого разговора дольше десяти минут. Однажды он просто вошёл в кабинет, положил на стол ключи, пару папок, старый пистолет и сказал:

– Ты готов.

И ушёл. Не умер, не исчез – просто ушёл в дом за пределами Манхэттена, к матери, туда, где тишина была уже не угрозой, а заслуженным покоем.

С тех пор Нью-Йорк лежал на мне.

Не на бумаге – в голове.

Каждый район.

Каждый человек, который хоть как-то касался наших денег.

Каждый, кто носил мою фамилию на языке – с уважением или со страхом.

И рядом со мной был один человек, которому я доверял так же, как себе, – Роман. Младший брат на пару лет, но иногда казалось, что по части лёгкости он младше на десять. Там, где я молчал, он усмехался. Там, где я ломал, он шутил. Но под этим – та же сталь. Тот же холодный расчёт. Только подан иначе.

Я пролистнул документы, отметил одну строку, задержался на ней взглядом. По городу уже пару недель ходили лёгкие слухи: кто-то слишком смело дёргался, проверяя, насколько крепко я держу поводья.

Имя всплывало одно и то же:

Роберт Миллер.

Старый, упрямый, амбициозный. Из тех, кто путает годы с авторитетом, а жадность – с силой. Его семья была крупной, но не настолько, чтобы качнуть город. Но он, похоже, решил проверить, правда ли новое поколение Райтов мягче старого.

Я усмехнулся краем губ.

Смешно.

Ещё смешнее было то, что в игру он тянул не только деньги и людей, но и дочь.

Эмили Миллер.

Я видел её много раз. На закрытых приёмах, на ужинах, переговорах. Всегда – в правильном платье, с идеальной укладкой, с улыбкой, отрепетированной перед зеркалом. И каждый раз – один и тот же сценарий: она искала повод оказаться рядом, что-то сказать, дотронуться до рукава, задержать взгляд чуть дольше, чем прилично.

Роберт, старый идиот, думал, что через её постель получит доступ к тому, до чего руками не дотягивался.

Провожу пальцами по виску. Даже если бы решил развлечься, это ничего бы ему не дало. Я не раздаю доступ к власти за ночь в кровати. Мой мир так не работает.

Щёлкнула дверь.

Без стука, конечно.

– Ты занят? – голос Романа не спрашивал, а констатировал: «Я всё равно зайду».

Он стоял, прислонившись к косяку, руки в карманах, на лице – та самая лёгкая ухмылка, с которой он обычно приносит новости, от которых у нормальных людей холодеет спина, а у нас – только яснее становится голова.

– Относительно, – ответил я. – Чего тебе?

– Напомнить, что у тебя сегодня социальная каторга, – он отлип от дверного косяка, зашёл внутрь, уселся в кресло напротив, как у себя дома. – Благотворительный вечер. Мэр, его друзья, половина города. Вторая половина будет делать вид, что была. Если мы не появимся, все эти трусливые крысы решат, что с нами можно обсуждать «уважение».

– Забыл? – в голосе уже слышалась усмешка.

– Игнорировал, – уточнил я. – Есть разница.

– А я, значит, явился сюда как ходячее напоминание твоих социальных обязанностей, – Роман театрально приложил руку к груди. – Представляешь, до чего ты меня довёл?

Я посмотрел на него, не меняя выражения лица.

– Хочешь сказать, ты скучал по смокингу.

– Ага, особенно по этим кислым «благодарным» рожам, – он фыркнул. – Но, признай, есть в этом вечере и развлечение: мэр будет расплываться перед тобой, как масло на горячей сковородке, а Миллер снова подтолкнёт свою дочку поближе – вдруг в этот раз повезёт.

– Если она упадёт, – сказал я ровно, – я просто отойду. Пусть бьётся сама.

Роман рассмеялся низко, по-мужски, на выдохе.

– Ты – кошмар любого брачного агентства, – протянул он. – Женщины Манхэттена должны получать надбавку за риск при виде тебя.

– Кто не понимает простых правил – сам виноват, – ответил я.

– Согласен, – он лениво поднялся. – Ладно, пошли, монстр. Будем делать вид, что мы тоже люди.

Я посмотрел на часы.

– Посмотрим, насколько сильно мне сегодня захочется уйти через чёрный ход, – поднялся из-за стола.

– Не волнуйся, – Роман хлопнул меня по плечу. – Если захочется – я придумаю уважительную причину. В крайнем случае, устрою ложный вызов: «Ваш склад внезапно загорелся, мистер Райт».

– Ты слишком любишь театр.

– Зато ты слишком любишь молчать, – парировал он. – Баланс, брат.

Мы вышли из офиса.

У входа в отель уже скапливалась нужная публика. Наши охранники и городские стояли плотной линией. При нашем появлении они выпрямляли спины автоматически, опускали взгляды. Прямой взгляд на Райта без приглашения всегда считался вызовом. За вызовы в этом городе платили дорого.

Чёрные машины остановились у широкого крыльца.

Роман вышел первым. Расправил плечи, легко, вальяжно, но я видел, как считывает глазами каждое лицо, каждое движение, каждое напряжение в толпе. За его ухмылкой всегда шёл расчёт.

Воздух был насыщен тем же коктейлем, что и на всех подобных мероприятиях: дорогой парфюм, алкоголь, нервное потоотделение. Вечера этого уровня всегда пахли одинаково – ложью, смешанной со страхом.

– Ты всё ещё можешь развернуться, – вполголоса заметил Роман, пока мы поднимались по ступеням. – Сказать, что тебе срочно нужно вырезать чью-то семью в Бруклине. Звучит даже правдоподобнее, чем благотворительность.

– Поздно, – ответил я. – Нас уже видят.

– Печально, – протянул он. – Я до последнего надеялся, что у тебя проснётся инстинкт самосохранения и ты пошлешь весь этот балаган к черту.

– Поэтому ты весь день напоминаешь о вечере? Из заботы?

– Из вредности, – честно признался он. – Кто-то же должен смотреть, как ты мучаешься.

Я не ответил.

В последнее время я вообще редко позволял себе роскошь лишних слов.

Мы вошли в зал. Музыка чуть громче, чем нужно. Смех чуть фальшивее, чем должен быть у людей, которые «отдыхают». Звон бокалов, разговоры, шепотки. И под всем этим та самая тишина. Осознанная. Напряжённая.

За считанные секунды меня замечают почти все. Мужчины замедляют шаг, кто-то невольно выпрямляет спину. Женщины касаются своих спутников за локоть, проверяя, куда те смотрят.

Одного моего взгляда в сторону правой части зала хватило, чтобы там одновременно стало свободнее. Люди инстинктивно раздвигались, освобождая пространство.

Нью-Йорк давно усвоил одну простую вещь: пока я здесь – правила не меняются.

– Смотри, – тихо произнёс Роман, почти не шевеля губами. – Идёт твоя поклонница по принуждению.

Эмили Миллер двигалась в нашу сторону осторожно, как по льду. Платье – идеальной посадки, волосы – в правильных локонах, помада – яркая, но «со вкусом». Лицо натянуто в попытку улыбки. В глазах – то самое, что я видел слишком часто: страх, перемешанный с надеждой не подвести того, кто стоит за спиной.

Она остановилась на расстоянии вытянутой руки.

– Мистер Райт... – голос дрогнул. – Рада видеть вас.

Она подняла руку. Медленно, как будто каждый сантиметр приближения нужно было согласовать с высшими силами. Кончиками пальцев коснулась моей кисти – нерешительно, будто проверяла, не укушу ли.

Я перехватил её запястье и аккуратно отвёл в сторону.

– Не прикасайся ко мне, Эмили.

Она вздрогнула. Губы побледнели, взгляд дёрнулся.

– Я... не хотела... я только...

– Хватит, – я отпустил её так же спокойно, как взял. – Если твоему отцу нужен разговор – он знает, где меня найти. Ты здесь ни при чём.

Её лицо вытянулось, она шагнула назад, едва не запутавшись каблуком в ковре, и почти сразу ушла в сторону быстрым шагом.

Роман тихо усмехнулся.

– Ты – кошмар всех папаш, – заключил он. – Они готовы отдать половину бизнеса, лишь бы их дочерей к тебе хоть как-то приблизили, а ты их одной фразой обратно в вакуум отправляешь.

– Я здесь не для этого, – сказал я.

– Знаю, – он прищурился. – Ты здесь, потому что так проще держать в узде тех, кто очень хочет забыть, кому принадлежит город.

– И это тоже, – не стал отрицать я.

– Ладно, – Роман повёл плечом. – Я за выпивкой. Тебе как всегда? Или по степени мрака подобрать?

– Нормальное виски. Без экспериментов.

– Значит, сегодня ты добрый, – пробормотал он и растворился в толпе.

Я остался один.

Хотя слово «один» к моей жизни давно не подходило. Вокруг всегда были люди – свои, чужие, враги, союзники, те, кто хотел быть ближе, и те, кто молился, чтобы я никогда на них не посмотрел.

Один я мог быть только внутри.

Ко мне подходили по очереди. Слова сливались в одинаковый шум.

«Мистер Райт, честь...»

«Если вы найдёте минуту...»

«Мы так высоко ценим ваше влияние...»

Я кивал там, где нужно, произносил короткие ответы, которых достаточно, чтобы человек не чувствовал себя полностью стертым, но и не строил иллюзий.

Мэр объявился быстро. Его самодовольная физиономия в один миг растаяла в услужливости.

– Мистер Райт! – ладони его слегка дрожали. – Ваше присутствие... огромный знак...

– Хороший вечер, – коротко сказал я. – Удачи.

Этого хватило, чтобы он практически поклонился и отступил, освобождая пространство.

Повернул голову и в тот момент увидел её, не сразу целиком, сначала движение, мягкое, неспешное, а потом уже картину полностью.

В дальнем конце зала, чуть в стороне от основной массы, стояла женщина. В светлом вечернем платье, открытые плечи, тонкая линия шеи, волосы, собранные так, что оголяли затылок, подчёркивая его хрупкость. Свет ложился на них мягкой линией.

Но дело было не в платье и не в шее.

Она не спешила. Я видел, как она аккуратно сняла сухой лист, потом ещё один, пальцами проверила почву, не боялась испачкать руки и не смотрела по сторонам, не выискивала чужих взглядов, весь её мир в этот момент был сосредоточен на растении. Она чуть нахмурилась и позвала официанта лёгким жестом. Тот подскочил мгновенно, с тем самым рвением, которое появляется у людей, когда они понимают, что делают что-то не для гостей, а для того, кого пригласили.

– Воды, пожалуйста, – прочитал я по её губам.

Самую обычную воду. На вечере, где бутылки с вином стояли больше, чем машина среднего человека.

Когда она аккуратно вылила воду под корень, я заметил то, чего давно не видел в этом зале: честность, не показную, не выгодную, без игры в «доброту». Вокруг люди блестели, она жила. Что-то сдвинулось, медленно, но ощутимо. Я двинулся к ней, не торопясь, но настойчиво.

Она не подняла голову, когда я остановился в шаге от неё – только плечи чуть напряглись. Она почувствовала. Всегда чувствуют. Даже если не знают, кто именно подошёл.

– Чем занимаешься? – спросил я.

Она замерла на секунду. Как будто собиралась с духом.

– Привожу в порядок, – ответила мягко. Голос тихий, сдержанный, но без пустой кокетливости. – Он... запущен.

Только потом она подняла глаза — быстро, осторожно, и тут же отвела их вниз. Этого мгновения хватило. Голубые, чистые, слишком открытые для такого места и такого вечера. В них не было игры — ни кокетства, ни расчёта, только сдержанность и что-то упрямо живое, что она явно привыкла держать под контролем. Я заметил, как она напряглась, как плечи едва заметно собрались, словно взгляд задел слишком глубоко. Она знала, что её глаза говорят больше, чем слова, поэтому спрятала их, но это не помогло. В этом коротком взгляде было всё:

Страх.

Мягкость.

Сдержанность.

– Это благотворительный вечер, – сказал я. – Здесь обычно пьют, смеются, делают вид, что им о ком-то есть дело. Ты первая, кого я вижу за настоящим делом.

– Знаю, – уголок её губ чуть дрогнул. – Но пройти мимо было сложно. Если вовремя не убрать то, что уже засохло, растение начнёт болеть.

Она говорила так, словно рассказывала мне базовую истину.

– Тебе не интересно всё остальное? – кивнул я в сторону зала.

Она покачала головой.

— Не очень, — произнесла она мягко, после короткой паузы, словно подбирая слова. — Это... не мои люди.

Пальцы нервно коснулись стакана, глаза снова опустились. Она боялась, но не врала.

— Ты здесь одна? — я смягчил голос намеренно, убрав привычную резкость, чтобы не спугнуть её.

На этот раз она выдержала взгляд чуть дольше.

– Нет. С отцом, – ответила.

– Где он?

– Где-то там, – она слегка кивнула в сторону основной толпы, не поднимая глаз выше моего подбородка.

Я шагнул ближе, она отступила назад, инстинктивно, без игры.

– Почему цветок важнее всего этого? – спросил я.

Она посмотрела на растение так, что весь зал вокруг в этот момент стал ещё холоднее.

– Я люблю цветы, – сказала она. – С детства. Это... моя работа. У меня магазин. И... я не смогла пройти мимо.

Голос – мягкий, но не пустой.

— Цветы честнее людей здесь? — сказал я ровно, но с тем нажимом, который невозможно не услышать.

Она кивнула, будто я наконец задал правильный вопрос.

– Да. Они не лгут. Если им плохо – это видно. И если можешь помочь – помогаешь.

Я смотрел на неё слишком пристально.

Она чувствовала это. Дыхание участилось, плечи напряглись. Но она не убежала, не сделала глупую шутку, не попыталась понравиться. Продолжала стоять.

– Как тебя зовут? – прямо спросил я.

Она вздрогнула. Сжала стакан сильнее.

– Не... думаю, что это важно, – прошептала.

— Если я задаю вопрос, — мой голос остался спокойным, холодным, — значит, на него отвечают. Назови имя.

Она подняла глаза, впервые по-настоящему, взгляд прямой, чистый, открытый.

— Алиса, — тихо произнесла она. Голос дрогнул на первом слоге, почти незаметно, но достаточно, чтобы выдать напряжение. Она словно спешила закончить слово, прежде чем страх успеет прозвучать громче.

Имя упало туда, где годами было пусто и холодно, — и что-то внутри впервые треснуло.
— Хантер.

Она моргнула, в глазах мелькнуло удивление, но не узнавание. Она действительно не знала, кто я, и это оказалось неожиданно приятно.

— Приятно познакомиться, — сказала она так искренне, словно мы не стояли посреди зала, набитого акулами.

Я собирался ответить привычным холодом. Сказать что-то, что поставит дистанцию.

Но, глядя на её руки, на осторожные движения, которыми она спасала этот дурацкий цветок, вместо этого произнёс:

— Выпьешь со мной?

Она побледнела.

— Нет... спасибо, — выдохнула. — Мне нужно к отцу.

Сделала шаг назад тихо и без вызова. Не играла, не пряталась за гордость, просто испугалась. Хрупкая, и за один короткий разговор слишком глубоко врезалась под кожу. Я смотрел ей вслед, когда она растворялась в толпе, слишком светлая для этого вечера, слишком настоящая для этих стен.

И во мне поднимается желание — не про контроль и не про власть, про то, что нельзя взять силой и от чего не хочется отводить взгляд. Не просто желание получить, глубже. Я позволяю ей уйти. Пока.

Роман вернулся, когда я всё ещё смотрел в ту сторону, где она исчезла.

Он нёс два бокала, но замедлил шаг, заметив, что мой взгляд направлен не на него.

— Не понял, — протянул он, подходя ближе. — Я отошёл на пятнадцать секунд, а ты уже кого-то мысленно хоронишь?

— Пока — нет, — ответил.

В этот момент Алиса подошла к мужчине в тёмном костюме. Тот положил ладонь ей на плечо — уверенно, по-отцовски.

— Кто это? — спросил я.

Роман проследил за моим взглядом.

— Мужик? А... — щёлкнул пальцами. — Том Холл. Окружной судья. Старой школы. С пафосом, принципами и хроническим неприятием таких, как мы.

Он собирался отвернуться, но заметил, что я сильнее сжал бокал.

— Ты уже минуту не моргаешь, — сказал он вполголоса. — Это на кого ты так смотришь, а? Я не ответил.

Просто наблюдал, как Алиса говорит отцу что-то тихое, кивает, поправляет клатч в руках. Тонкая. Светлая. Совершенно чужая этому месту.

— Значит, она его дочь, — коротко заключил я.

Роман перевёл взгляд с неё на меня.

— Похоже на то, — подтвердил. — Тебе понравилась эта девушка? — без шутки, осторожно.

Я сделал медленный глоток виски.

— Заинтересовала, — честно сказал я.

Роман тихо присвистнул.

— Ну всё, — выдохнул. — Её можно заранее жалеть. Если мой брат кем-то заинтересовался — той женщине конец. В смысле, её прежней жизни.

— Отвали, — бросил я без раздражения.

Он усмехнулся.

Алиса с отцом направились к выходу. Она шла чуть позади, держа клатч так, словно цеплялась за него, как за точку опоры. У дверей она на секунду остановилась, оглянулась по залу. Не на меня – просто по привычке посмотреть вокруг.

Но этого мимолётного движения хватило, чтобы внутри у меня что-то разжалось и одновременно натянулось ещё туже.

Она вышла, двери закрылись, и взгляд ещё какое-то время держится на них, с чётким пониманием: это не интерес в привычном для мужчин смысле, не желание получить и забыть, не слабость, которая исчезает к утру. Это глубже, опаснее, и от того, как спокойно это принимается, становится странно.

– Узнай о ней всё, – произнёс я. Спокойно. Без нажима. Но он понял.

Он вскинул бровь.

– Всё? – переспросил. – Вот это формулировка...

– Всё, – повторил я.

Роман выдохнул, качнул головой.

– Ладно. Раз ты сказал «всё» – сделаю. Но потом не удивляйся, если окажется, что она ещё и в детском саду цветы поливала, а в школе ругалась за сломанные ветки, – буркнул он. – Типаж понятен.

Я не ответил.

Просто снова посмотрел туда, где она исчезла. Чувствуя, как под кожей поднимается знакомое тяжёлое напряжение – только не того рода, что ведёт к войне. Другого.

– Поехали, – сказал я. – Здесь стало скучно.

Роман усмехнулся, но кивнул.

– Да уж, – пробормотал он. – Настоящее только что вышло из зала.

Мы двинулись к выходу.

А внутри у меня уже было чёткое, спокойное, понимание:

Алиса – начало.

И я не собираюсь его упускать.

Глава 3

Хантер

Роман отступил к креслу у стены, давая мне пространство, но не уходя – и офис всё равно будто сменил дыхание. Тишина стала гуще, плотнее, как если бы стены подхватили его молчание и начали давить им со всех сторон. Такой тишине я доверял больше, чем словам. Она всегда приходила перед тем, как что-то менялось. Не мелочь – а именно что-то важное, сдвигающее ось.

На столе лежала папка. Самая обычная на вид: серая плотная обложка, никаких пометок, никаких штампов. Только тонкая линия ручки – моё имя, написанное Романом. Он делал так нечасто. Если он подписывал папку лично – значит, внутри было что-то, во что он хотел, чтобы я вонзился до дна.

Я протянул руку, пальцы сжались на картоне чуть сильнее, чем нужно, раскрыл. Первое, что бросилось в глаза, — не текст, а фотография.

Дневной свет, не вечерняя полутьма, в которой я увидел её впервые. Небольшой магазин – витрина, стеллажи, цветы в ведрах, табличка над дверью. И она. Стоит у прилавка, держит в руках букет, сплетённый из белых и розовых цветов. Волосы собраны небрежно, пара светлых прядей выбилась и падает на щёку. На губах – улыбка. Не широкая, не демонстративная, а самая, которая идёт изнутри, прежде чем человек вообще заметит, что улыбается.

Я не заметил, как задержал дыхание.

Перелистнул.

Вторая фотография – магазин изнутри. Вдоль стен – полки с керамическими горшками, стеклянные вазы, корзины. Столы, на которых лежат зелёные стебли, ножницы, ленты. На одном – кружка кофе. На другом – раскрытый блокнот. Её рабочее место. Её мир, аккуратный, живой, настоящий.

Третье фото.

Её дом. Обычный хороший дом в приличном районе. Не роскошь, но и не бедность. Чистый фасад, ухоженный вход, аккуратные ступени. Дом, из которого выходят люди, у которых жизнь должна быть прямой и понятной. Без таких, как я.

Четвёртое.

Отец.

Том Холл. Окружной судья. Жёсткий, прямой, из тех, кто привык рубить, как топором. На фото он стоял у здания суда – костюм сидит безупречно, подбородок чуть вскинут, взгляд прямой, тяжёлый. Человек, для которого мир делится на «правильно» и «неправильно». Я уже не раз видел такой взгляд у людей, которые через пару лет всё равно приходили ко мне за помощью.

Но здесь важнее было другое: под фото шла строчка.

Дочь – Алиса Холл.

Я перевёл взгляд обратно на первый снимок.

Её имя уже звучало во мне отдельно от бумаги. Жило внутри. Потому что прежде я слышал его из её уст.

Алиса.

Я продолжил листать, уже медленнее, строки, даты, краткие справки, где училась, где раньше работала, как давно открыла магазин, мелкие детали: любит работать допоздна, часто остаётся одна, закрывает сама, иногда тётя помогает с поставками, иногда отец забирает её вечером, если задерживается, телефон, маршрут, привычки.

Ничего сверхъестественного. И всё равно... с каждой строчкой мир становился чётче.

Не «девушка с благотворительного вечера».

Не «чья-то дочь».

Живая. Настоящая.

Та, на чьё спокойствие я уже покусился одним только интересом.

– Ну что? – Роман не выдержал тишины. – Досье тебя устроило? Или мне ещё нанять людей, которые узнают, какой цвет зубной пасты она предпочитает?

Я закрыл последнюю страницу, положил папку на стол, ладонь сверху, не потому что боялся, что её унесут, а потому что не хотел, чтобы она вообще лежала здесь.

Среди контрактов, поставок, расчётов и имён тех, кого я за последние годы заставил либо стать на колени, либо исчезнуть.

– Обычная, – сказал я.

Роман вскинул бровь.

– Обычная? – переспросил. – Это ты так пытаешься убедить себя или меня? Потому что я пару раз видел твой взгляд, когда ты на неё смотришь – там, поверь, ничего обычного не было.

– Обычная жизнь, – уточнил я. – Магазин. Дом. Отец-судья. Тётя. Никаких связей с нашими людьми. Ни косвенных, ни прямых. Чисто.

– Ага, – Роман откинулся в кресле, сложил руки на груди. – Чисто. И ты туда полезешь. Конечно.

Я перевёл на него взгляд. Он выдержал, не отвёл. Редко кто мог. Но Роман был не «кто». Он был Райт. Такой же, как я, только с другим темпераментом.

– Скажи честно, – продолжил он. – Что это? Просто интерес? Просто она понравилась? Или ты почувствовал то самое, от чего у людей рушатся города?

Слова всегда даются сложнее, когда внутри уже всё сказано.

– Я увидел её среди сотни людей и впервые за долгое время не почувствовал... – я искал слово. – Отвращения.

Роман замер. Лёгкая усмешка сошла с лица.

– Ну, – медленно произнёс он. – Это уже диагноз.

Я откинулся в кресле, провёл пальцами по подбородку, по губам, по виску. Было странное чувство – как перед дракой, к которой ты готовился, но вдруг понимаешь, что противник будет не тем, кого ты привык бить.

– Понимаешь, в чём проблема? – продолжил Роман. – Ты – Хантер Райт. Ты не приходишь в жизнь людей «просто так». Ты не умеешь «слегка вовлечься», «немножко увлечься», «чуть-чуть поприсутствовать». Если ты заходишь – всё. Там уже никогда не будет по-старому.

– Я не собираюсь ломать её жизнь, – сказал я.

Пауза.

Мы оба услышали, как это прозвучало.

Роман выдохнул, хмыкнул.

– Ага. Ты не собираешься. Ты просто... понаблюдаешь, поинтересуешься, чуть-чуть вмешаешься, а потом обнаружишь, что она уже не может дышать без тебя. Так всегда бывает. Не потому, что ты стараешься. А потому что ты такой, Хантер.

Это – то, что я всегда знал о себе. Но редко слышал вслух.

– Ты ведь понимаешь... – Роман резко посерьёзnel, подался вперёд, опёрся локтями на колени. – Если ты выбрал её – всё. Она уже твоя. Она не выйдет из этого мира. Никогда. Даже если будет пытаться. Даже если ты сам однажды решишь, что так правильно. Она всё равно останется внутри всей этой тьмы, потому что твоё имя – это тьма. И ты это знаешь.

Я опустил взгляд на папку, на строчку с её именем, на фотографию, чуть выглядывающую из-под листа.

Алиса. Это имя звучало так, будто вообще не должно было оказаться рядом с моим.

И всё равно — уже было.

Произнёс это спокойно, без театра, без демонстрации, без привычной жёсткости:

– Она войдёт в мой мир.

Роман приподнял бровь.

– То есть ты уже решил.

– Я решаю не по паспорту, – сказал я. – Не по фамилии, не по статусу, не по тому, кто чей отец или судья. Я решаю по ощущению. И оно уже есть. Остальное – вопрос времени.

Роман откинулся, провёл рукой по лицу, посмотрел на потолок, вздохнул так, будто ему только что сказали, что впереди длинная, сложная, но интересная война.

– Ну всё, – тихо подвёл итог. – Девушку можно заранее жалеть.

– Почему? – спросил я.

Он усмехнулся одним уголком губ.

– Потому что, если мой брат кем-то заинтересовался на таком уровне... – он кивнул на папку, – этой женщине конец. В том смысле, что её прежняя жизнь всё равно умрёт. Даже если ты будешь стоять в стороне и делать вид, что не вмешиваешься.

Никакого веселья в его голосе не было. Только констатация факта.

Папку не убрал – просто отбросил чуть в сторону, как отбрасывают предмет, который уже не нужен, потому что главное – ты запомнил.

– У нас вечером поставка, – сказал я. – Собирайся.

– Куда? – автоматически уточнил Роман, хотя и так знал.

– На склады. Начнём с привычного мира, а потом... – я бросил на него короткий взгляд.

– Потом я поеду туда, где слишком тихо.

Он усмехнулся.

– То есть сперва оружие, кровь, грязные деньги... а потом цветы.

– Нормальная последовательность.

– Для тебя – да, – согласился он. – Ладно, босс. Пошли кормить твой город железом.

Склады находились в той части города, где Нью-Йорк терял свою глянцевою улыбку и становился тем, чем и был: мясорубкой. Старые кирпичные здания, серые ангары, железные ворота с потёртыми цепями, камеры, фонари, которые светили холодным желтоватым светом, как в тюремных блоках. Здесь никто не делал вид, что живёт красиво. Здесь просто выживали.

Наши машины въехали внутрь колонной. Фары прорезали тёмный воздух, на секунду высвечивая силуэты охранников. Те выпрямились ещё до того, как мы остановились. Плечи – напряжённые, глаза – вниз. Они знали, что сегодня опоздали.

Я вышел первым.

Воздух пах металлом, маслом, мокрым бетоном и адреналином.

– Босс, – один из старших сразу шагнул ко мне. – Мы... тут... небольшая...

– Задержка в три дня, – спокойно произнёс я. – Я умею считать.

Он побледнел. Сжался. Казалось, что сейчас просто растворится в темноте.

– Там были проблемы на границе, – заикнулся он. – Машину задержали, потом перенаправили, потом...

– Мне не интересны сказки, – перебил я. – Меня интересует только одно: это повторится?

Он глотнул.

– Н-нет. Мы уже решили...

– Если повторится, – я поднял глаза, встретился с ним взглядом, – ты поедешь в следующем контейнере. Без воздуха. Понял?

Глаза его расширились.

Ответ прозвучал моментально:

– Да, босс.

Роман стоял чуть сбоку, рядом с другим старшим. Он не вмешивался. Только наблюдал. Иногда – хмыкал себе под нос. В моменты, когда особенно любил мою прямооту.

Контейнеры открывали один за другим. Металл скрежетал, воздух наполнялся холодным запахом оружия, масла, дерева. Автоматы, винтовки, ящики с патронами. Всё аккуратно, как в хорошем каталоге, только этот каталог никогда не попадёт в магазин.

Я проходил вдоль рядов, не торопясь. Иногда касался ладонью древесины, иногда чуть трогал металлический корпус, как будто мог по вибрации понять, не пытались ли меня обмануть. Люди вокруг замолкали, когда я приближался. Всегда. Даже если я ничего не говорил.

– Количество совпадает, – тихо сказал один из наших, идущий с планшетом. – Маркировка та же. Качество... всё как обычно. Только время...

– Время – тоже часть товара, – произнёс я. – И вы за него уже заплатили.

Я не повышал голос. Не нужно было. В нём и так хватало стали.

Я видел, как на некоторых лицах проступает пот. Как кто-то невольно переступает с ноги на ногу. Как двое переглянулись – те, кто, скорее всего, пытались провернуть что-то своё и теперь понимают, что их попытка провалилась.

Роман подался ко мне ближе. Наклонился к уху.

– Хочешь – я разберусь с теми двоими, – тихо сказал он. – Сразу. Сегодня ночь длинная.

– Не сейчас, – так же тихо ответил я. – Сначала пусть поработают пару недель идеально. Потом мы посмотрим, кто будет особенно стараться. И тогда я решу.

– Ты становишься сентиментальным, брат, – хмыкнул он. – Раньше ты бы уже вычеркнул их.

– Я не сентиментален, – отрезал я. – Я просто не хочу отвлекаться на мелкую кровь, когда в голове... другое.

Он усмехнулся.

– Цветы. Девушка. Магазин. Всё ясно.

Проверка заняла чуть больше часа. Я подписал бумаги, дал распоряжения, кто куда пойдёт дальше, какие партии куда уйдут, кто за что отвечает. Люди разбежались быстро, как мыши, которым оставили немного сыра, но напомнили, где стоит капкан.

Мы вышли на улицу. Ночь стала плотнее, холоднее, воздух ощутимо остыл, лёгкий ветер тянул от реки и цеплялся за одежду. Где-то вдалеке тянулся гул трассы, ровный, непрекращающийся, и в нём чувствовалось, что город не засыпает, он просто делает вид.

Остановился у машины, достал сигарету, покрутил её в пальцах, но не прикурил, задерживая это движение чуть дольше, чем нужно.

Роман посмотрел на меня пристально.

– Домой? – спросил он.

Я помолчал. Сигарета так и осталась сухой.

– Нет, – сказал я. – Не домой.

Он кивнул. Ему не нужно было объяснять.

– К ней.

Не вопрос. Утверждение.

– Посмотреть, – уточнил я. – Не больше.

Он усмехнулся, откинул голову назад, посмотрел в тёмное небо.

– Угу. Ты всегда так говоришь. «Просто посмотреть». А потом полгорода лежит в земле, а одна женщина живёт где-то в твоём сердце вместо клапана.

– Иди к чёрту, – без злости бросил я.

– Уже был, – легко ответил он. – Там неинтересно. Там меньше драмы, чем в твоей жизни, брат.

Он хлопнул меня по плечу – уверенно, по-свойски.

– Ладно. Если вдруг решишь не просто смотреть – хоть предупреди. Я заранее куплю валерьянку для всего Нью Йорка.

Я сел в машину, не отвечая. Роман сел в другую. Мы тронулись в разные стороны. Её магазин находился на тихой улице, которая к вечеру становилась почти домашней, не центр и не трущобы, тот самый район, где люди всё ещё верили, что если закрыть дверь и задернуть шторы, мир снаружи их не касается.

Глушу двигатель на противоположной стороне, фары гаснут, и машина растворяется в темноте так же, как растворяюсь я, когда это нужно.

Свет в её магазине всё ещё горел, тёплый, жёлтый, совсем не похожий на тот, под которым только что считались автоматы и проверялась маркировка. Там внутри было другое.

Попадаюсь вперёд, упираюсь локтями в руль, переплетаю пальцы. Просто смотрю.

Алиса стояла у центрального стола. На нём были разбросаны стебли, ножницы, катушки с лентами. Она собирала букет. Движения – точные, привычные. Пальцы – быстрые, но мягкие. Сначала зелень, потом крупные бутоны, потом акцентные цветы. Всё складывалось в какую-то свою, понятную только ей гармонию.

Иногда она отступала, смотрела на результат со стороны, наклоняла голову, чуть прищуривалась. Потом снова подходила, меняла местами два стебля, подрезала кончик, подтягивала ленту. Увлечённая. Сосредоточенная. Счастливая в этом маленьком, наивном мире, где всё можно исправить парой движений рук.

Клиентов уже не было. На двери висела табличка «закрыто». Но она всё равно работала. Для себя. Для завтра. Для того, чтобы утром, когда кто-то войдёт с холодной улицы, его встретил не просто запах холодного воздуха, а то самое – тепло.

Она положила готовый букет в ведро, взяла следующий набор цветов. Остановилась. Потянулась за телефоном, который лежал рядом. Быстро что-то набрала. На секунду задержала взгляд на экране. Её лицо стало серьёзнее. Чуть грустнее.

Я увидел, как у неё дрогнули губы — едва заметно, на долю секунды, но достаточно, чтобы это не прошло мимо. Она положила телефон, сделала вдох, выровняла плечи, и улыбка вернулась — уже не такая яркая, не такая лёгкая, как раньше, но всё-таки вернулась, как выученная реакция, включаемая автоматически. И в этот момент я понял простую вещь: если существует человек, из-за которого эта улыбка однажды погасла, я был готов его убить. Не в порыве. Не из ярости. Спокойно. Осознанно. Так, как устраняют источник, который не должен больше существовать.

Она снова взяла ножницы и продолжила работу, не показывая ничего, оставляя этот миг позади, как захлопнутую дверь. А я сидел в темноте и чувствовал, как внутри поднимается странная волна — не злость, не привычное желание присвоить, не тот резкий импульс, к которому я привык. Это было тише. Глубже. Даже глядя на неё, моя тьма отступала — не исчезала, но отходила в сторону, признавая, что сейчас здесь есть что-то сильнее. Это было узнавание. То редкое состояние, которое накрывает, когда смотришь на человека и понимаешь: это твоё. Не потому что выбрал. Не потому что захотел. А потому что внутри что-то встаёт на место и больше не задаёт вопросов.

Алиса прошла к витрине. Раздвинула пару горшков, поправила ценники, повернула один цветок так, чтобы он ловил свет лучше. Наклонилась, подняла упавший лист. Просто мелочи. Но в них было всё. Мягкость.

Забота.

И тишина, не угрожающая, а укрывающая. Представляю, как она будет смотреть, если зайду сейчас, как напрягутся плечи, как дрогнет подбородок, как расширятся глаза от страха, не животного и бессмысленного, а того, который появляется у разумного человека, когда он понимает, кто стоит перед ним.

Она, скорее всего, знает, кто я. Даже если не сразу сообразит – отец объяснит. Люди вроде Тома Холла слишком много знают о таких, как я, чтобы молчать.

Я мог зайти сейчас.

Без стука.

Просто открыть дверь.

Посмотреть, как она выпрямится, как сожмёт пальцы в кулак, как попытается держаться. Сказать что-нибудь простое. Например:

«Ты не ответила на вопрос, какая ты, если не хрупкая и не таинственная».

Она бы растерялась, дыхание сбилось бы, и с этого всё началось бы. Я сжимаю руль совсем немного, но пластик отзывается сухим хрустом. Нет, не так. Не вломиться в её жизнь, как в чужие офисы, склады, районы и головы. Не расколотить её мир с порога, как обычно бывает, когда нужно получить своё. С ней так нельзя. В отличие от всех остальных, её нужно не ломать, а впустить.

И это было самое сложное.

Я сидел и смотрел, как она закрывает кассу, складывает деньги, протирает стойку, собирает мусор, выносит его к задней двери. Как возвращается, моет руки в маленькой раковине, вытирает их полотенцем, которое висит на крючке. Простая жизнь. Без глянца. Без крови. Без оружия. Без моего имени.

И именно поэтому это притягивало, как пропасть.

Она подошла к большому горшку в углу, где росло вьющееся растение с длинными гибкими стеблями, и провела по ним пальцами, как по волосам. Я не слышал, но был уверен, что она что-то ему сказала. Она выключила часть света, оставив только одну лампу над рабочим столом, и пространство сразу изменилось, свет стал мягче, тише, тень легла на её лицо иначе, делая скулы чётче, а взгляд глубже. Она взяла сумку, накинула лёгкое пальто, поправила волосы и подошла к двери. На секунду остановилась, огляделась, проверяя, всё ли на месте, всё ли закрыто, всё ли под контролем. Потом повернула ключ в замке и вышла.

Я увидел её через стекло – уже снаружи. Лицо на мгновение оказалось в жёлтом свете, потом снова ушло в тень, и в этом чередовании света и мрака было что-то притягательное.

Хрупкая.

Но не слабая.

Она шагнула на тротуар, вдохнула холодный воздух – так, будто от этого вдоха зависело, уснёт ли она сегодня. Посмотрела в одну сторону улицы. В другую. Не заметила меня – машина стояла в тени, с выключенным светом. Да и зачем ей искать кого-то в темноте, если она верит, что её мир – безопасен?

На сегодня – достаточно.

Она не должна почувствовать моё присутствие, прежде чем я буду готов к встрече настоящему. Не с позиции того, кто привык брать. А с позиции того, кто впервые в жизни решил... ждать.

откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза на секунду. Её имя всё ещё звучало внутри.

Алиса.

Смешно. Весь город знал, что ждать не про меня. Я всегда забирал то, что считал своим, без пауз и сомнений, быстро, жёстко, чётко, так, чтобы вопросов не оставалось.

Но сейчас всё было иначе.

Зверь внутри не исчез. Он просто лёг, свернулся и смотрел туда же, куда смотрел я, на свет, который ушёл за угол вместе с ней.

– Не сейчас, – сказал я себе вслух.

Голос прозвучал глухо, но уверенно.

— Она испугается. Она ещё не готова.

Я знал это. И всё равно знал другое: долго ждать я не смогу. Не потому что не хочу — потому что так устроен. Терпение никогда не было моей сильной стороной.

Пауза.

Я открыл глаза, посмотрел на витрину ещё раз. На стеллажи, которые теперь виделись в темноте только силуэтами. На то место, где стояла она десять минут назад.

Мне впервые за долгие годы не хотелось уезжать, но двигатель всё же завожу. Фары не включаю, пока не отъезжаю достаточно далеко. Город принимает обратно таким, каким был сделан: жёстким, послушным, готовым гнуться под тяжестью моей фамилии.

Но в нём появилась точка, где меня ещё нет. Маленький цветочный магазин. Женщина, которая любит растения больше, чем людей. И которая понятия не имеет, что монстр с другой стороны города уже дышит её именем.

Алиса.

Я ехал сквозь ночной Нью-Йорк и знал одно: эта девушка была началом.

Чего-то, что изменит нас обоих.

И я не позволю никому – ни её отцу, ни врагам, ни самому этому грёбаному городу – забрать у меня то, что я уже выбрал.

Даже если для этого придётся сжечь всё остальное.

Глава 4

Хантер

Проснулся рано, раньше, чем привык. Редкость. Обычно будит телефон, стук в дверь кабинета или чужая ошибка, которую приходится исправлять. Сегодня — тишина и то странное ощущение под кожей, будто что-то уже началось, хотя ни шага ещё не сделано.

Потолок в моей спальне был высоким, тёмным, окна распахивали первый свет утра по комнате широкими полосами. Дом был большим — слишком большим для одного, но не для нас двоих с Романом. Мы выросли здесь, в этих стенах, среди шагов охраны, запаха оружейного масла и строгого голоса отца, который учил нас одному:

«Сила — не то, что у тебя есть. Сила — то, что у тебя никто не сможет забрать».

Сел на кровати, провёл рукой по лицу, ощущая щетину. Сон не идёт. Мысли — да. Её глаза. Её голос. Её пальцы, осторожно касающиеся листьев, как чего-то важного.

Чёрт.

Я поднялся, прошёл в ванную. Холодная плитка под ногами, горячая вода, падающая на голову, на плечи, на грудь, где чёрное чернило татуировок всегда казалось чуть темнее в утреннем свете.

Часть рисунков — древние символы. Часть — память. Часть того, что я пережил. Часть того, что пришлось похоронить.

Вода стекала по мышцам, собираясь в тонких струйках вдоль линий тела. Спина отзывалась знакомой болью — работой, тренировками, драками. Левый бок — тонкой полосой шрама. Грудная клетка — тяжестью прошлого.

Но мысли не уходят. Она снова стоит перед глазами, слишком светлая для моего мира, слишком живая, слишком настоящая. И слишком неподготовленная.

Выдыхаю, упираясь ладонями в стену. Не нравится, когда что-то тянет там, где давно мёртво. Но в этот раз это движение не останавливаю.

Кухня была в другом крыле дома. Большая, светлая, с широким столом, за которым обычно собирались только мы с Романом. Отец давно жил отдельно, мать ушла с ним — она устала от города, от нашей работы, от того, что её дети выросли не в тех людей, которых она когда-то представляла.

Роман уже был на кухне — босиком, в домашней одежде, стоял у кофемашины и с важным видом нажимал кнопки, будто управлял ракетной установкой.

— Прислуга опаздывает, — объявил он торжественно, даже не оборачиваясь. — Так что сегодня я — шеф-повар, бариста, официант и твой личный обслуживающий персонал. Наслаждайся моментом, он недолговечен.

— Ради бога, — бросил я, заходя. — Только кофе не спали.

— Обидно, — хмыкнул Роман. — А я старался.

Он оглянулся через плечо и прищурился:

— Ты сегодня странный.

— В каком смысле?

— В том, что обычно тыходишь в комнату как гроза. А сейчас... — он рукой очертил воздух. — Как туман. Тихий. Подозрительный. Это тревожно.

Роман поставил передо мной кружку.

— Черный. Без сахара. Густой, как твой характер.

— В офис приеду позже, — сказал я, делая глоток.

— Ага. Я догадался. — Он сел напротив, скрестив руки. — Цветы, да?

Я поднял взгляд.

– Что? – Роман развёл руками. – Я видел твоё лицо вчера. И поверь, брат... я видел, что у тебя в глазах что-то щёлкнуло. Или сломалось. Не знаю, что из этого хуже.

Я забрал у него кружку и поднялся.

– Роман.

– Да?

– Не задавай вопросов.

Он ухмыльнулся.

– Поздно. Я уже задал.

Роман провожал меня взглядом – и я знал: он уже понял. Если я иду к девушке... значит, всё. Выхода у неё нет.

Но пока она об этом не знала.

Собрался быстро, без лишних движений и раздумий: чёрные брюки, белая рубашка, тёмное пальто. Часы легли на запястье холодным металлом, отрезвляющим, как утренний воздух. В машине я молчал, глядя прямо перед собой. Водитель открыл дверь, я сел, коротко назвал адрес. Он едва заметно удивился — цветочный магазин не входил в мой обычный маршрут, тем более утром, — но вопросов не задал. Машина остановилась у небольшого здания с витриной, и я понял: некоторые решения не требуют объяснений даже самому себе.

Вышел сразу, без пауз, без сомнений. Решение уже принято, отступить не собираюсь.

Колокольчик звякнул, когда открылась дверь. Алиса подняла голову. Всё происходит за секунду, взгляд, резкий вдох, губы бледнеют. Она вспоминает. Не полностью, но достаточно, чтобы тело среагировало быстрее сознания.

Она замирает, словно её сдавило изнутри.

Прохожу дальше, звук шагов глухо бьёт о деревянный пол.

Она делает один маленький шаг назад.

– В прошлый раз ты сбежала, – сказал я ровно.

Она сглотнула, крепче прижимая к себе блокнот.

– Что... вы здесь делаете? – голос сорвался на первом слове, она быстро вдохнула. — Как вы вообще нашли этот магазин?

– Я нахожу всё, что мне нужно. – Я подошёл ближе. – А сейчас мне нужна ты.

Она резко втянула воздух, словно споткнулась о мои слова. На мгновение замерла, голубые глаза потемнели, плечи напряглись — и тут же попыталась взять себя в руки. Слишком быстро. Слишком заметно.

– Зачем?... – голос сорвался на шёпот. – Чего вы хотите?

Я остановился в шаге от неё.

Достаточно близко, чтобы слышать её сбивчивое дыхание.

– Тебя, – сказал я, без давления, но так, чтобы у неё не осталось сомнений.

Алиса ахнула.

Пальцы дрогнули, взгляд метнулся к двери, к окну, куда угодно – лишь бы уйти от той силы, что накатывала на неё.

– Вы... ошиблись дверью, – попыталась она собрать голос. – Это магазин. Я не...

– Я никогда не ошибаюсь, – перебил я. – И никогда не захожу туда, куда не собирался.

Её дыхание становится неровным, страх, настоящий, чистый, мелькает в глазах, но под ним вспыхивает другое чувство, от которого она сама хочет отступить, а тело уже выдаёт реакцию, притяжение, то, что нельзя спрятать, даже если очень хочется. Я шагнул ближе, почти касаясь её присутствием.

– Ты знаешь это, Алиса, – сказал я спокойно, но низко. – Ты почувствовала меня ещё тогда. На улице. И вчера – тоже.

Она закрыла глаза на долю секунды, пытаясь спрятаться.

Но от меня ей уже не спрятаться.

– Я не причиню тебе вреда, – продолжил я мягче, но опаснее. – Но я не уйду.

Она вздрогнула от этих слов – будто именно в них была угроза, от которой не спасёт ни дверь, ни улица, ни этот магазин.

– Почему? – выдохнула она. – Почему я?

Посмотрел ей прямо в глаза, без тени сомнений, без игры, без попытки смягчить правду.

– Потому что ты – единственное настоящее, что я видел за много лет.

Слова легли между нами тяжело, слишком честно, слишком открыто для человека вроде меня, слишком разрушительно для женщины вроде неё.

Она стояла передо мной, маленькая, напуганная, растерянная – и всё же не могла отвести взгляд.

А тишина между нами уже дышала сама по себе.

Та самая тишина, после которой не бывает пути назад.

Дверной колокольчик звякнул снова – резко, громко, будто ударил ножом между нами.

Алиса вздрогнула и тут же отступила от меня, как если бы физическая дистанция могла вернуть ей контроль.

– Здравствуйте! – слишком быстро, слишком звонко сказала она, переключаясь на клиента.

Женщина средних лет вошла внутрь, не замечая напряжения, которое вибрировало в воздухе.

Алиса натянула улыбку.

Та, что обычно у неё мягкая – сейчас дрожала.

– Я хотела бы заказать композицию... к юбилею... – покупательница говорила спокойно, рассматривая витрину.

Алиса кивала, отвечала, задавала вопросы, чётко, профессионально. Но руки её руки дрожали. А я стоял на месте, не делая ни шага, ни лишнего движения, даже дыхание держал ровным, тише, чем нужно, давая ей понять, что никуда не исчезну. Просто смотрел.

Она чувствовала этот взгляд, это было видно по тому, как напрягалось тело, и от этого движения становились резче, быстрее, почти тревожными.

– Вот эти розы... и, может быть... эустому? – спросила женщина.

– Да, да, конечно, – Алиса пересушенным голосом начала собирать цветы, и я увидел, как она едва не уронила ножницы.

Она поймала их в последний момент. Покупательница ничего не заметила. Взгляд остаётся на ней, без единого движения.

Наконец покупательница рассчитывается, благодарит и выходит, оставляя после себя тишину, которая падает тяжело, как камень в воду. Колокольчик звякает, дверь закрывается.

Алиса выдыхает резко, всё это время не дышала.

И только теперь она осмелилась поднять на меня глаза — медленно, осторожно, словно проверяя, выдержит ли этот взгляд. Ресницы дрогнули, дыхание сбилось, и в этом коротком движении было больше решимости, чем она сама, вероятно, ожидала от себя.

Я подошёл ближе — медленно, намеренно, сокращая расстояние шаг за шагом, давая ей время осознать это движение и понять: я делаю его не по импульсу, а по выбору.

Она не отступила.

– Я заеду вечером, – сказал я.

Её губы дрогнули.

— Не... не стоит... — выдохнула она, почти шёпотом. Голос дрогнул, слова вышли с паузой, как будто она сначала пыталась убедить себя, а уже потом — меня.

— Отказов я не принимаю, — сказал я ровно, так, что это прозвучало не угрозой, а фактом.

Она судорожно вдохнула, и я видел, как внутри неё борется страх, здравый смысл, удивление и то самое чувство, от которого она пытается убежать.

Медленно поднял руку и положил на прилавок маленький предмет.

Не деньги.

Не карточку.

Не цветок.

Ключ.

Обычный, чёрный, тяжелый.

С цифрой выбитой на боковой части.

Алиса опустила взгляд на ключ, нахмурилась, моргнула — растерянно, не понимая, что он означает и зачем оказался здесь.

— Что... что это?

Я посмотрел прямо в её глаза — не отводя взгляда, не оставляя ей пространства для манёвра, позволяя этому моменту задержаться ровно настолько, чтобы она поняла: дальше всё будет происходить по моим правилам.

— Мой. — пауза. — От дома.

Она побледнела.

— Зачем... вы...

— Чтобы ты знала одну вещь, — сказал я низко, ровно. — Я не играю.

И не появляюсь в жизни женщины, если не собираюсь остаться в ней.

Она перевела взгляд на ключ, будто он мог обжечь.

— Вы... вы сумасшедший...

— Возможно. — Я чуть наклонился. — Но никогда не ошибаюсь в выборе.

Я развернулся к выходу.

— Вечером, Алиса, — произнёс, уже открывая дверь. — Не заставляй меня искать тебя.

Колокольчик звякнул за моей спиной, и она осталась там, среди цветов, с ключом в ладони, который не имел никакого практического смысла, кроме одного: он был предупреждением. И обещанием.

Вышел на улицу, вдохнул холодный воздух, давая себе несколько секунд, чтобы сбить то, что поднималось, слишком живое, слишком тёплое.

Машина уже ждала у тротуара. Водитель распахнул дверь, делая вид, что не видит ничего лишнего. Он вообще был умным — не задавал вопросов и не смотрел туда, куда не следовало.

Я сел на заднее сиденье, откинулся, провёл пальцами по шраму на груди под рубашкой — привычное движение, которым я всегда возвращал голову туда, где она должна быть.

— В офис, — сказал я.

Смотрю в окно на проносящиеся улицы, на людей, живущих обычной жизнью, где максимум проблем — опоздать на работу, поспорить с кем-то в метро, перепутать время встречи. У меня другие масштабы, другие весы, другие цены.

И всё же где-то между этим шумом и стеклом остаётся ощущение на пальцах, вес маленького ключа, оставленного на её прилавке. Моё предупреждение. Моя линия. Мой выбор.

Теперь её очередь выбирать.

А у меня есть ещё несколько часов, чтобы снова надеть на себя того, кого этот город привык видеть.

Офис находился наверху небоскрёба, который принадлежал нашей компании, чистое стекло, чёрный камень, ни одной лишней детали.

На входе охрана распрямилась. Один из ребят чуть наклонил голову, но глаза сразу отвёл. Правильно. Прямой взгляд в этом мире иногда считался вызовом, а за вызовы здесь платили дорого.

Лифт поднял меня наверх. Двери распахнулись – и меня встретил привычный звук: приглушённые голоса, шаги, короткие команды. Люди работали. Люди боялись. Люди зарабатывали на мне – и для меня.

Я прошёл в свой кабинет.

Роман уже был там.

Сидел в кресле напротив стола, закинув ногу на ногу, листая какие-то бумаги. На столе лежала пара папок, планшет, телефон. Окно за моей спиной открывало вид на город, который мы держали. Почти весь.

Роман поднял голову и прищурился.

– О, – протянул он. – Наш человек вернулся из мира флоры.

– Молчи, – предупредил я заранее, проходя к столу.

– Я же ещё ничего не сказал, – возмутился он, но уголки губ дёрнулись.

Я проигнорировал.

– Что по утру? – спросил, опускаясь в кресло.

Он сразу сменил тон – лёгкость убралась, осталась только деловая сталь.

– Поставки с Нью-Джерси прошли, – Роман положил передо мной папку. – Два контейнера – всё, что заказывали, пришло. Мы проверили. Качество нормальное, без сюрпризов. Ребята на терминале заметили людей Миллера, проследили за ними и... занялись вопросом.

– Насколько серьёзно занялись?

– Достаточно, – кивнул он. – Эти двое уже никому ничего не расскажут. Один – вообще никогда, второго наши выдернули живым, пока он не успел уйти. Сейчас он в подвале на Пятой, ждёт твоего решения. Говорят, сломался ещё до того, как его начали по-настоящему трогать. Готов сдать всех, даже собственную тень.

Я провёл пальцами по кромке папки.

– Водителя нашего трогали?

– Нет, – Роман покачал головой. – Он сработал правильно: сразу сообщил, а не начал играть в героя.

– Имя? – спросил я.

– Майлс Кэрри. – Уголок губ у Романа дёрнулся. – Тот самый, который в первый день заявил, что если косячит, то хочет умереть быстро, а не от твоего взгляда.

– Значит, жить будет, – тихо бросил я. – Передай, что я это услышал.

Роман кивнул.

– Ещё есть новости.

– Говори.

– ФБР, – он перелистнул страницу. – Отдел по организованной преступности шевелится активнее, чем обычно. Пара особо правильных агентов уже нюхает наши склады. Пока они только бегают вокруг, но нюх у них, похоже, неплохой. Не продались, не испугались и, судя по тому, как ходят по кругу... останавливаться не собираются.

– Всегда найдётся парочка спасителей мира.

– Обычно такие долго не живут, если не умеют вовремя отступать, – согласился Роман.

– Но эти, походу, верят, что их бронежилеты толще наших нервов.

Я на секунду задумался, скользя взглядом по строкам отчёта.

– Пока их не трогайте, – сказал ровно. – Пусть продолжают чувствовать себя охотниками. Иногда полезно, когда кто-то рисует тебя зверем. Таких ломают не сразу. Сначала – дать им поверить, что они близко. Потом – показать, насколько далеко они были всё это время.

– Как скажешь, – протянул Роман. – Но если сунутся туда, куда совсем не надо...

– Тогда это уже будет их выбор, – перебил я. – А я всегда уважаю чужой выбор. Особенно самоубийственный.

– Склад в Бруклине?

– Поедем, – кивнул я. – Хочу посмотреть сам.

Он поднялся.

– Давно ты лично всё проверял. Люди начинают думать, что расстояние спрячёт их ошибки.

Открыл нижний ящик стола. Там лежал мой пистолет, без золота, без показухи, чёрный, матовый, тяжёлый, оружие, которому не нужны украшения, потому что его слово всегда последнее. Взял его в руку, привычно проверил магазин, затвор, патронник. Поворот кисти плавный, отточенный, металл ложится в ладонь как продолжение пальцев.

Роман наблюдал, опершись о край стола.

– Всегда знал: если ты молчишь с оружием в руках, – кому-то сегодня повезёт меньше, чем нам, – сказал он негромко.

– Молчание честнее крика, – ответил я, щёлкнув предохранителем и убирая пистолет под пиджак. – Кричат, когда ещё есть сомнения. У меня их нет.

Он кивнул.

– Тогда поехали.

Склад в Бруклине был нашим уже много лет. Снаружи – обычное серое здание, одно из десятков. Внутри – то, за что многие готовы были либо платить, либо умирать.

Когда машина подъехала, ворота уже были открыты. Охрана выстроилась так, будто это проверка строя: ровная линия, опущенные взгляды, максимум собранности.

Один из старших – Маркес – шагнул навстречу.

– Босс, – короткий кивок. – Всё чисто. Люди, машины, ящики – как в накладных.

Прошёл внутрь. Запах металла, ряды деревянных ящиков, открытые крышки, внутри аккуратно уложенное оружие, ни лишнего, ни недостающего. Провёл пальцами по краю одного из ящиков, поднял ствол, оценил вес, не для того чтобы чувствовать себя «крутым», а чтобы понимать, чем именно распоряжаюсь.

Роман стоял рядом, тихо переговариваясь с Маркесом, уточняя детали. Я слушал краем слуха.

– ...номера пробили, всё бьётся, – отчитывался Маркес. – Людей Миллера ребята засекли ещё на подъезде к терминалу. Проследили, прижали, вывели на пустырь. Дальше ты и так понимаешь.

– Понимаю, – сухо бросил Роман. – Меня интересует другое: почему ты не сообщил сразу?

Маркес напрягся.

– Я думал... сначала разобраться на месте...

Поставил оружие обратно в ящик и медленно повернулся. Группа вокруг сжалась на долю секунды. Голос не повышаю.

– Ты думал, – повторил я. – Это хорошо. Мне нужны те, кто умеет думать. Плохо другое – ты подумал не туда.

Он сглотнул.

– Босс, я...

– Когда рядом крутятся люди врага, – продолжил я всё тем же ровным тоном, – ты не играешь в самостоятельного героя. Ты поднимаешь трубку. И говоришь. Мне. Или ему. – Я кивнул на Романа. – В этом городе слишком много тех, кто хочет примерить нашу корону. Миллер – один из них. Я не дам ему даже намёка на то, что мы расслабились. Понимаешь?

– Понимаю, – быстро кивнул Маркес. – Больше такого не будет.

– Правильно, – кивнул я. – Потому что права на вторую такую ошибку у тебя нет. Ты её уже сделал.

Я не кричал.

Но пот, выступивший у него на висках, сказал, что он понял лучше, чем от любого удара.

– И ещё, – добавил я. – Ночную смену – полностью сменить. Те, кто стоял вчера, – на периферию. Неделя чёрной работы. Если кто-то забыл, что такое концентрация, – вспомнит.

– Сделаем, – выдохнул Маркес.

Обвожу взглядом зал. Люди избегают прямого контакта, но каждый собран до предела. Так и должно быть. Это не игра, это механизм. Если один винт ослабнет, разлетится всё.

– Что с тем, кого взяли живым? – спросил я у Романа.

– Внизу, под рампой, – ответил он. – Сидит, ждёт, в какую сторону качнётся его жизнь.

– Пойдём, – сказал я.

Подземный уровень склада всегда был холоднее.

Запах металла сменился сыростью бетона. Узкий коридор, лампы под потолком, тяжёлая дверь с металлическим замком. Наши стояли по бокам – спокойные, но готовые в любой момент двинуться.

Роман открыл дверь.

Внутри – стул посреди комнаты.

На стуле – мужчина.

Руки связаны, голова опущена, на лице следы начала разговора, без лишнего, просто сбили с него иллюзию контроля.

Он поднимает глаза, когда мы входим. Страх. Паника. И ещё что-то — слабая, жалкая надежда, что он выкрутится.

– Мистер Райт, – прохрипел он. – Я... я объясню... это недоразумение...

Подожёл ближе, не торопясь, достал пистолет из кобуры – спокойно, без театра. Покрутил его в пальцах, проверил предохранитель, будто это просто часть разговора.

– Недоразумение, – повторил я. – Это когда официант приносит не то блюдо. То, что сделал ты, называется иначе.

– Это был всего лишь разговор... мне предложили деньги, но я... я ничего не сказал... клянусь...

– Клятвы оставь при себе, – спокойно оборвал я. – Меня интересуют факты.

Кто подошёл. Где. Что предлагали. Что спрашивали. Что ты ответил. И что собирался ответить.

Он замотал головой, перехватывая дыхание:

– Я... я не успел... наши меня забрали... я бы никогда... я прекрасно знаю, что бывает с теми, кто...

Я поднял руку, и он сразу замолчал.

– Ты действительно знаешь, что бывает? – тихо уточнил я. – Тогда почему я сейчас трачу время, слушая твой бред, вместо того чтобы заниматься делом?

Он сглотнул, взгляд дёрнулся к Роману, к охране, к пистолету в моей руке.

Я медленно поднял оружие – не направляя, просто держа.

– У тебя есть один шанс, – сказал я. – Один. Рассказать всё, как было. Без украшений, без попыток выставить себя умнее, чем ты есть. Я не люблю повторять вопросы.

И я не трачу время на тех, кто мне неинтересен. Их я просто убираю. Понимаешь?

Он кивнул так резко, что стул едва не качнулся.

Роман стоял рядом, молча, но я чувствовал его внимание – как всегда, когда мы работали вдвоём.

Мужчина заговорил сразу, сбивчиво, боялся, что его перебыют или передумают слушать. Слова сыпались быстро, наслаивались друг на друга, путались, но я вычленил главное — автоматически, хладнокровно. Имя того, кто подошёл первым. Бар на окраине, выбранный специально — без камер, без лишних глаз. Сумма, которую ему предложили, и то, как её озвучили, словно это было не предложение, а уже решённый факт. Вопросы, которые задавали: маршруты, графики, фамилии, привычки. Он перескакивал с одного на другое, возвращался назад,

снова путался, но я слушал до конца. Не перебивал. Не подталкивал. Просто давал ему выговориться, пока голос не стал сиплым, пока дыхание не сбилось, пока слова не начали заканчиваться. Когда он наконец выдохся, в комнате повисла плотная, глухая тишина.

– Значит так, – сказал я, убирая пистолет. – Сейчас ты поедешь с нашими ребятами. Они отвезут тебя далеко отсюда и очень вежливо объяснят, почему ты больше никогда не будешь работать ни на кого, кто связан с этим городом. Ни на меня. Ни на Миллера. Ни на его людей. Нигде, где хотя бы краем цепляются наши деньги.

Он моргнул, не веря.

– То есть... вы... не...

– Ты уже мёртв для этого города, – отрезал я. – Но физически поживёшь.

И запомни: это не милость. Это расчёт. Ты нам больше не нужен. Но нам может понадобиться паника у Миллера, когда он узнает, что ты исчез. Так что поздравляю: теперь ты ходячая легенда для тех, кто любит строить теории.

Роман тихо хмыкнул.

– Увести, – бросил я.

Ребята кивнули, подняли стул вместе с ним, вывели.

– Мягко, – заметил он. – Раньше ты решал такие вопросы куда... проще.

– Раньше у меня не было целей, – ответил я. – Кроме удержать город. Сейчас их больше.

Он прищурился.

– Цветы? – тихо спросил.

– Вечером мы переставим часть грузов на другой склад, – сказал я вместо ответа. – Пусть ФБР нюхает воздух там, где уже пусто. И передай Маркесу: если ещё раз задержит информацию – лично отвезу его на тот берег, где его никто не найдёт.

– Передам, – кивнул он. – А вечером?

Внутри всё ещё медленно, упрямо пульсировала мысль: она стоит в своём магазине, среди цветов, и сжимает в пальцах мой ключ.

– Вечером, – сказал я спокойно, – у меня встреча.

Роман усмехнулся, но на этот раз без шуток.

– Тогда я позабочусь, чтобы до твоей встречи весь город успел ещё раз убедиться: Райт всё ещё здесь. И всё ещё тот, кем был.

– Пусть убедятся, – ответил я. – Особенно те, кто решил, что я могу стать мягче.

Я развернулся к выходу. Дверь поддалась легко, без скрипа, без сопротивления. С потолка падал ровный белый свет, холодный и беспристрастный, под ногами ощущался бетон — твёрдый, надёжный, привычный. Каждый шаг отдавался внутри спокойной уверенностью. Над головой был город. Мой город. Тот, который знал мои правила, жил по ним и принадлежал мне целиком.

А где-то в другом конце этого города была девушка, которая ещё не понимала, что уже принадлежит мне так же, как всё остальное.

Просто по другой, гораздо более высокой цене.

До вечера я провёл ещё несколько встреч.

Отчёты, цифры, новые договорённости, чужие попытки спрятать нервозность за улыбками. Кто-то пытался шутить, кто-то переигрывал в уверенность, кто-то слишком быстро соглашался на мои условия. Всё это было привычным, отработанным до автоматизма.

Но весь день внутри упрямо бился один простой факт: она стоит где-то среди цветов и держит в руках мой ключ.

Когда стрелка на часах подошла к тому времени, которое я сам же и назначил, я закрыл папку, отложил ручку и поднялся.

– Уезжаешь? – Роман появился в дверях, как будто его притянуло. – Могу даже не спрашивать – куда.

– Не можешь, – отрезал я, застёгивая пальто.
– Конечно, не могу, – он усмехнулся. – Я же твой младший брат, а не самоубийца. Но, если что, я всё ещё считаю, что это безумие.
– Ты много чего считаешь, – ответил я спокойно. – Но всегда делаешь так, как нужно.
– Тут не поспоришь, – кивнул он. – Ладно. Иди к своей... ботанике.
– Ещё одно слово – и я отправлю тебя на смену к Маркесу, – предупредил я. – Лично.
– Всё, молчу, – поднял руки. – Удачи на... встрече.

Удача мне была не нужна.

То, что я делал – не было случайностью.

Это был выбор.

Мой.

Вечерний город всегда выглядит иначе. Днём он шумный, голодный, суетливый, ночью — хищный, опасный, честный. В темноте особенно хорошо видно, кто чего стоит, кто боится выйти на улицу, кто прячется за чужие спины, кто шагает так, будто сам себе закон.

Машина мягко скользит по улицам, фары выхватывают из темноты куски асфальта, витрины, силуэты людей. Молчу, глядя вперёд. Водитель вопросов не задаёт. Таких ценю, они понимают, что тишина — лучший способ остаться живым.

Когда сворачиваем на нужную улицу, знакомая витрина появляется впереди. Утром она была залита светом, сейчас тонет в темноте. Ни одного огонька внутри. Вывеска та же. Стекло то же. Но магазин закрыт.

Машина останавливается у тротуара. Несколько секунд просто смотрю на эту темноту, потом тихо усмехаюсь.

Конечно.

Алиса.

Она пришла сюда утром, работала весь день, собирала букеты, говорила с клиентами, улыбалась – и каждые несколько минут вспоминала про ключ у себя под рукой. Про мои слова. Про вечер.

И в какой-то момент, ближе к закрытию, страх пересилил любопытство.

Она просто опустила жалюзи раньше, выключила свет, заперла дверь – и ушла.

Решив, что так отложит неизбежное.

Я вышел из машины.

Холодный воздух ударил в лицо, прочистил голову. Я достал сигарету, прикрыл ладонью огонь зажигалки, щёлкнул. Оранжевый огонёк на секунду подсветил металл часов, мои пальцы, часть татуировки, выглядывающей из-под манжета – чёрные линии, впившиеся в кожу так же прочно, как этот город – в меня.

Сделал затяжку.

Дым вышел из лёгких медленно, тяжело.

Я стоял напротив её витрины, где днём было море цветов, а сейчас – только моё отражение в тёмном стекле. Высокий силуэт, светлая полоска рубашки под пальто, жёсткая линия плеч, взгляд, от которого люди обычно опускали глаза и начинали говорить правду.

В отражении рядом с моим плечом на секунду будто мелькнул другой образ – её.

Та же, что утром: в светлом переднике, со стянутыми волосами, с мягкими руками, которые держат стебли так, будто в них – что-то живое.

– Алиса, – сказал я вполголоса, больше для себя, чем для воздуха. – Ты правда думаешь, что от меня можно закрыться дверью и выключателем?

Сигарета тлела между пальцами.

Я вспомнил, как она смотрела на меня в магазине – глаза, полные страха, и то самое притяжение под ним, от которого она хотела отвернуться. Как сжимала блокнот, как дрожали пальцы, когда она делала вид, что просто работает.

Она побежала. Инстинкт самосохранения. Проблема в том, что сработал слишком поздно, не тогда, когда нужно было держаться подальше, а в тот момент, когда мы уже пересеклись.

Делаю ещё одну затяжку, вглядываюсь в тёмное стекло. Где-то по городу сейчас едет машина, метро, такси, и в одном из них сидит она, с ключом в сумке, с моими словами в голове. Думает, что выиграла время, что её выбор, сбежать, что-то решает.

Выдыхаю дым, ощущая, как расправляется знакомое, тяжёлое чувство охоты. Но в этот раз оно другое, не пошлое, не примитивное, не про власть над территорией, а про власть над судьбой.

– Ты уже от меня не спрячешься, девочка, – сказал я тихо, глядя в темноту. – Даже если ещё надеешься на это.

Слова растворяются в холодном воздухе. Окурочек летит на асфальт, подошва давит его в крошку. Достая телефон. Роман отвечает почти сразу:

– Ну? – даже не поздоровался. – Она выкинула тебя из магазина с веником?

Я проигнорировал.

– Она закрыла магазин раньше, – сказал спокойно. – Больше так быть не должно.

Он сразу посерьёзней.

– Понял. Ты хочешь, чтобы...

– Завтра, – сказал я спокойно, глядя на тёмную витрину, – свет в этом месте будет гореть до тех пор, пока я сам не скажу, что достаточно. Без давления. Без угроз.

На линии повисла короткая, густая тишина.

– Эмм... прошу прощения, что? – переспросил Роман. – Ты хочешь, чтобы я что – поставил людей по периметру цветочного магазина? Чтобы охраняли её светильники от твоего разочарования?

– Да. – Я даже не моргнул. – Люди по периметру. Никаких контактов. Никто к ней не подходит, никто не мелькает перед окнами. Но если она уйдёт раньше – я должен знать об этом сразу.

Роман выдал смешок – удивлённый, нервный, с той нотой, которая появляется у него только когда он понимает: дело серьёзнее, чем он думал.

– Хантер... – он хмыкнул. – Ты сейчас серьёзно тратишь ресурсы криминальной империи, чтобы девушка не закрывала магазин раньше?

– Я трачу ресурсы на то, что считаю нужным, – ответил я холодно. – И сейчас это – она.

– Господи... – выдохнул он. – Ладно. Хорошо. Я поставлю людей. Но когда ты начнёшь водить её на свидания, я потребую компенсацию за моральный ущерб.

– Посмотрим, доживёшь ли, – бросил я сухо. – И ещё.

– Что ещё? – голос у него уже осторожный.

– Пришли мне её номер. У тебя пять минут.

– Пять минут?.. Ты понимаешь, что такое угроза в твоём исполнении?

– Понимаю. – Я отключил звонок, не дожидаясь ответа.

Телефон опустился в мою ладонь тяжело, будто часть оружия.

– Алиса, – сказал тихо, уверенно, как факт. – Ты уже не спрячешься. Ни дверью. Ни светом. Ни тем, что решила уйти раньше.

Я убрал телефон в карман пальто.

– Ты просто пока этого не поняла.

Разворачиваюсь и иду к машине, за спиной остаётся тяжёлый взгляд пустой витрины, магазин будто знает, что завтра всё изменится. Потому что выбор уже сделан. Сбежать она больше не сможет. Даже если очень захочет.

Глава 5

Алиса

Комната тонула в серых тенях, и это полумрак состояние подходило мне больше, чем яркая лампа над головой. Казалось, стоит щёлкнуть выключателем – и всё, что я так старательно прижимаю внутри, сразу станет видимым. Слышным. Осязаемым. Не только для меня.

Ключ лежал на ладони, маленький, тяжёлый, с чёрным матовым покрытием. Металл уже нагрелся от кожи, но в нём всё равно ощущалось чужое тепло, его руки, его пальцы, его решения. Не красивый сувенир, не забавная импульсивность, не жест, над которым можно посмеяться и отложить в дальний ящик. Это было действие.

Шаг.

Ответ, который он озвучил раньше, чем у меня появилась возможность задавать вопросы.

Я переворачивала ключ снова и снова: гладкой стороной вниз, ребром, зубцами к себе. Сжимала, отпускала, проводила большим пальцем по цифре на боку, вглядывалась в неё так, будто там должно быть спрятано объяснение. Но цифра молчала. Всё молчало. Даже улица за окном казалась тише обычного.

Думала, страх отпустит, когда выйду из магазина, когда позволю себе закрыть дверь раньше времени, опустить жалюзи, убрать табличку «открыто», вырваться из этого странного кокона, в котором остался его взгляд.

Шла домой быстро, почти на автомате, шаг за шагом, и каждый новый поворот улицы должен был уносить меня дальше от него – но сердце стучало только сильнее, словно с каждым метром движения я не убегаю, а наоборот, приближаюсь к тому, чего не хочу признавать.

Видела его перед собой снова, в дверях магазина, с этим спокойным, тяжёлым взглядом, от которого воздух в груди становится густым. Слышу его голос. «Вечером, Алиса». Тон не оставляет места для трактовок.

И в какой-то момент приходит мысль, что всё началось задолго до сегодняшнего дня. Не с ключа. Не с того, как он встал слишком близко к прилавку. Даже не с того, как произнёс «мне нужна ты». Гораздо раньше.

Там, на благотворительном вечере.

Картина того вечера всплыла в памяти такой живой, что казалось: прошли не пару дней, а всего несколько часов.

Помню зал – шумный, блестящий, полный людей, которые умеют красиво говорить о помощи, но понятия не имеют, как жить вне масок и приличных улыбок. Помню, как ловила себя на том, что снова оказываюсь в роли наблюдателя: стою в стороне, держу стакан с водой, а не с шампанским, смотрю на цветы, а не на людей.

И вдруг заметила его.

Не потому, что он подошёл.

Не потому, что произнёс моё имя – этого тогда ещё не было.

Просто в какой-то момент я почувствовала чужое присутствие даже спиной.

Он стоял не в центре, не в кругу тех, кто громко смеялся и переигрывал, а чуть в стороне – но создавал вокруг себя такое поле тишины, что даже сквозь шум его было отчётливо слышно. Темный костюм, белая рубашка, жёсткая линия плеч, внимание, которое он был способен сосредоточить на одном человеке так, что весь остальной мир переставал существовать.

И когда я подняла голову от растения, с которого убирала сухие листья, и встретила его взгляд – всё просто замерло.

Даже воздух стал другим: тяжелее, плотнее.

Мои движения, голос, дыхание становились резче.

А взгляд... от него нельзя было отвести глаза.

В них было слишком много всего сразу: сила, абсолютное понимание своей власти, холод, к которому почему-то тянет, и что-то ещё, что я не смогла тогда назвать.

Он спросил:

– Как тебя зовут?

Хотелось уйти от ответа, спрятаться за вежливой фразой, раствориться в толпе, снова стать невидимой среди сотен других.

Но в его голосе не было ни просьбы, ни любопытства. Только простое утверждение факта: он спросил – и ответ уже принадлежал ему.

– Алиса.

Имя слетело с моих губ тише, чем обычно, но прозвучало внутри неожиданно громко.

– Хантер, – сказал он в ответ.

И это имя вошло в память сразу.

Тогда мелькнула мысль, что позже всё сгладится, пройдёт, вечер закончится, мы разойдёмся по своим жизням, и в голове останется просто одно из многих лиц. Но в ту же ночь, когда легла спать, впервые приснился голос. Тот самый, низкий, ровный, без единого повышения.

Он произнёс моё имя так близко, что почти почувствовалось тепло у шеи.

«Алиса»

Я резко села в постели, сердце тяжело билось, руки дрожали. Смотрела в темноту комнаты, пыталась убедить себя, что это просто впечатление, усталость, слишком яркий день.

Но имя не уходило. Ни утром. Ни через несколько дней. Ни сейчас.

И в какой-то момент стало ясно то, что страшнее всего было произнести вслух:

Раньше такого не было.

Ни один мужчина, которого я видела вживую, на картинках, мимоходом в кафе или где угодно ещё, никогда не оставлял после себя такой след.

Чтобы одной встречи хватило на то, чтобы голос по ночам звучал так чётко. Чтобы один взгляд мог так глубоко вонзиться в память, что в груди начинало покалывать каждый раз, стоило его вспомнить.

Моя жизнь всегда была спокойной, простой, понятной. Я знала, когда проснись, во сколько буду на работе, через сколько нужно ехать к отцу, когда заехать к тёте Вере. Знала, каких мужчин выбираю рядом: мягких, добрых, немного нерешительных, иногда слишком правильных, но от этого безопасных. Они могли нравиться, вызывать симпатию, привязанность или нежность, но никогда — бурю.

Хантер не входил в этот список. Не из моей жизни. Не из моего мира.

И теперь этот ключ маленький предмет на ладони, на который я даже смотреть боялась слишком долго вдруг превратился в символ чего-то, чему я пока не могла дать имя.

Между нами уже возникла связь, и создавала её точно не я.

Телефон коротко вибрировал один раз. Я вздрогнула так резко, что едва не выронила ключ. На экране был незнакомый номер и всего одно сообщение:

«Тебе не сбежать от меня. Уже нет.»

Горло пересохло. Воздух стал плотнее, тяжелее, сжался в один миг. На секунду показалось, что по комнате скользнула чужая тень, хотя я была одна. Пальцы сжались на металле так сильно, что их начало сводить.

Мне впервые за очень долгое время стало по-настоящему страшно — не резко, не с криком внутри, а медленно, вязко, так, что холод начал расползаться под кожей, задерживаясь в груди и сжимая дыхание. Это был не тот страх, от которого хочется бежать или кричать. Он был тихим, осознанным, взрослым. Таким, который возникает, когда понимаешь: что-то уже сдвинулось с места, и остановить это не в твоей власти.

Не из-за того, что он может появиться.

Страшно – за себя.

За то, что сделают со мной эти новые чувства, если я позволю им остаться. Не сейчас — потом. Медленно. Без права откатить назад. Я боялась не боли и не последствий, а того, как незаметно они могут переписать меня изнутри, изменить мои реакции, мои решения, мои границы.

Потому что я уже ясно понимала: рядом с ним всё никогда не станет «как раньше».

И я не знала, от чего хочу закрыться сильнее – от него... или от себя рядом с ним.

Сон всё-таки забрал своё.

Не сразу – долго не отпускал мысли, не давал расслабиться, но в какой-то момент сознание словно перерезало провод. Тяжесть в теле стала сильнее шевелений мыслей, веки опустились, и комната утонула в глубокой ночи.

Темнота сначала была привычной, ровной, спокойной. А потом изменилась. В ней появилось тепло, тонкая вибрация, проходящая по коже от шеи к пояснице. И в этом тепле — звук.

– ...Алиса...

Ни резкости.

Ни угрозы.

Ни кричащих интонаций.

Его голос — низкий, спокойный, произнесённый почти вполголоса, — прошёлся по мне так близко, что тело ответило сразу, без разрешения.

Вдох перехватило, мышцы живота напряглись сами по себе — резко, как от внезапного толчка изнутри. По спине прошла горячая волна, и на короткое мгновение реальность поплыла, уступая ощущению, слишком сильному и неожиданному. Во сне чьи-то руки обняли меня со спины — не резко, а уверенно, точно зная, где держать, — и притянули ближе, лишая возможности отстраниться. Тело откликнулось мгновенно, раньше мысли, раньше попытки понять, что именно со мной происходит.

Распахнула глаза. Комната всё та же: знакомая мебель, силуэты штор, тусклый свет с улицы, ни одного лишнего звука, никого рядом. Это просто сон, только сон.

Но сердце бьётся так, что в груди становится тесно, и это не страх, а что-то другое, более странное.

Переворачиваюсь на бок, потом на спину, прижимаю ладони к лицу, к глазам, пытаюсь прогнать это ощущение изнутри, но оно не уходит.

Стоило закрыть глаза – и чувство того, что он где-то рядом, возвращалось.

Не образ, не картинка, не чёткая сцена – просто присутствие, которое ни с чем до этого не ассоциировалось.

Ночь прошла рывками: короткие провалы в сон сменялись внезапными пробуждениями.

Иногда я сама себя ловила на том, что жду – когда снова прозвучит мой голос в его исполнении.

И не была уверена, пугает ли меня это или... притягивает.

К утру я чувствовала себя вымотанной, но странным образом живой.

Слишком много нервов, слишком мало сна – и при этом всё, что касается его, продолжало звучать во мне почти физически.

Работа начиналась в девять, но мысль о том, чтобы открыть магазин первой, в тишине, где всё ещё витает его голос, вызывала во мне такое напряжение, что грудная клетка реагировала болью.

Я взяла телефон.

– Тётя... ты дома? – голос прозвучал хрипло, хотя я попыталась сделать его обычным.

– Для тебя – всегда, – ответила Вера сразу, даже без паузы. – Приезжай. Я только что сварила кофе и уже на грани того, чтобы начать разговаривать с телевизором.

Впервые за утро по-настоящему улыбаюсь. Её дом всегда казался отдельным миром, там время замедляется, не потому что жизнь останавливается, а потому что суета теряет смысл. Пахнет кофе, ванилью, свежестью, той самой, от свежего белья, от открытых окон, от людей, которые умеют жить, даже когда им больно.

Вера выскочила в коридор, как только я закрыла за собой дверь, и обняла так, словно не видела меня год.

– Алиса, моя девочка... – она прижала ладонь к затылку, как делала в детстве, – ты вся зажата. У тебя лицо, как у человека, который всю ночь спорил с собственными мыслями и проиграл.

– Немного не спала, – призналась я, снимая куртку.

– «Немного» у тебя – это минимум два часа сна из восьми, – вздохнула она и почти потащила меня на кухню. – Садись. Пей. Рассказывай всё по порядку. И даже не пытайся уйти от темы, я тебя знаю.

Кухня встретила знакомым столом, кружками, вечно одинаковой вазой на подоконнике, которую Вера принципиально не меняла, потому что её когда-то подарил муж.

Она поставила передо мной кофе, сама устроилась напротив, подперев подбородок ладонью.

– Ну? – тихо спросила она. – Глаза красные, руки холодные, взгляд в сторону. Это не просто «устала». Кто он?

– Тётя... – я попыталась уйти в сторону. – Может, это не...

– Алиса, – мягко перебила она, – я не твой клиент и не твой отец. Я – Вера, которая видела, как ты в десять лет плакала из-за сломанного тюльпана. Говори.

– Я... встретила мужчину.

Она на секунду замерла, а потом хищно сузила глаза:

– Так. Уже интересно. Красивый?

– Это... не главное, – я посмотрела в чашку. – Но да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.